

ВЗРОСЛЫХ НЕ БЫВАЕТ

*и другие вещи, которые я смогла понять
только после сорока*

**КАК
ПОЛЮБИТЬ СЕБЯ
В ЛЮБОМ
ВОЗРАСТЕ
ФРАНЦУЗСКИЙ
ОПЫТ**

ПАМЕЛА ДРУКЕРМАН

Автор бестселлера

"Французские дети не плюются едой"

18+

Памела Друкерман

**Взрослых не бывает и другие
вещи, которые я смогла
понять только после сорока**

Издательство «Синдбад»

2018

Друкерман П.

Взрослых не бывает и другие вещи, которые я смогла понять только после сорока / П. Друкерман — Издательство «Синдбад», 2018

ISBN 978-5-00131-544-5

Когда Памеле Друкерман исполнилось сорок, она стала замечать, что утратила ироничное отношение к своей одежде, что теперь выбирает рестораны без громкой музыки, предпочитает «крутой компании» общество «своих» людей, что родители прекратили попытки повлиять на нее, а парижские официанты пере-шли в обращении к ней на слегка раздражающее «мадам» вместо милого ее сердцу «мадемуазель»... Памела решила исследовать эту неизведанную зону «между молодыми и не совсем молодыми» и с присущими ей наблюдательностью, остроумием, смелостью и искренностью ведет читателя через свой опыт эмоциональных и физических изменений среднего возраста, показывая, как они влияют на отношения с другими и самим собой. «Взрослых не бывает» – отчасти откровенные мемуары, отчасти занимательное исследование повседневной жизни. Это смешная и мудрая книга для любого возраста и всех возрастов о том, как стать, наконец, самим собой.

ISBN 978-5-00131-544-5

© Друкерман П., 2018

© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

Предисловие	7
1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Памела Друкерман

Взрослых не бывает и другие вещи, которые я смогла понять только после сорока

Саймону, Лейле, Джоуи и Лео

Сорок – это страшный возраст. Это возраст, в котором мы становимся собой.

Шарль Пеги

Pamela Druckerman
THERE ARE NO GROWN-UPS

Copyright © 2018 by Pamela Druckerman
Published in the Russian language by arrangement with *William Morris Endeavor Entertainment*
and *Andrew Nurnberg Literary Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2019

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2019

ОТЗЫВЫ

Чрезвычайно увлекательная смесь личных историй, тонких ироничных наблюдений и практических советов о времени наступления зрелости и «шоке среднего возраста».

Sunday Times

Памела Друкерман избавляет от страха перед сорокалетием, убедительно демонстрируя, что этот возраст может быть «лучшим возрастом из всех».

Daily Mail

Эта книга заставит вас не только много смеяться, но и над многим задуматься.

Woman's Day

Об авторе

Памела Друкерман – американская журналистка, писательница, специализирующаяся на жанре книг для родителей.

Памела родилась в 1970 году в Нью-Йорке, детство и юность провела в Майами. Получила степень бакалавра по философии в Колгейтском университете и степень магистра по меж-

дународным отношениям в Школе международных отношений при Колумбийском университете в 1998 году.

В период с 1997 по 2002 годы Памела работала штатным репортером в «Уолл-Стрит Джорнал» в Бразилии и США, где освещала вопросы экономики и политики. Друкерман также делала репортажи из Токио, Москвы, Йоханнесбурга и Иерусалима для крупнейших телеканалов, включая ВВС и NBC. Ранее Памела входила в Совет по международным отношениям и участвовала в комедии-импровизации совместно с Upright Citizens Brigade.

Зимой 2012 года Памела написала и опубликовала книгу «Французские дети не плюются едой», которая стала бестселлером номер один по версии газеты «Сандей Таймс» и вошла в десять самых продаваемых книг в США, а также была переведена на 27 языков.

Предисловие

Bonjour, madame

Если вы хотите узнать, на какой возраст выглядите, просто зайдите во французское кафе. Это что-то вроде места проведения референдума по вопросу вашей внешности.

Когда я переехала в Париж, мне только-только стукнуло тридцать. Официанты обращались ко мне «мадемуазель». Встречая меня у порога, они говорили: «*Bonjour, mademoiselle*», ставя передо мной кофе: «*Voilà, mademoiselle*». В те годы я проводила в кафе много времени. Офиса у меня не было, и я ходила в кафе писать. И повсюду была «*mademoiselle*». (Строго говоря, это слово означает незамужнюю женщину, но сегодня его употребляют по отношению к любой молодой женщине.)

Однако к тому времени, когда мне исполнилось сорок, все изменилось. Официанты стали называть меня «мадам», демонстрируя при этом преувеличенное почтение, словно подмигивая. Как будто «мадам» – это была такая игра, в которую мы вместе играли. Иногда они позволяли себе пару раз бросить мне и «мадемуазель».

Но скоро все «мадемуазели», даже шуточные, исчезли, а из обращения «мадам» пропали сомнение и ирония. Складывалось впечатление, что официанты (в Париже большинство из них – мужчины) дружно решили, что я покинула зону между молодостью и средним возрастом.

С одной стороны, эта перемена меня интриговала. Может быть, официанты после работы собираются за бокалом сансера и просматривают фотографии посетительниц, чтобы определить, кого из них пора понизить в звании? (Самое неприятное в этом то, что к мужчинам всегда обращаются одинаково: «месье».)

Разумеется, я понимаю: мы все стареем. Я видела, как на лицах моих ровесниц появлялись морщинки. Сейчас, когда им по сорок, я примерно представляю себе, как будут выглядеть некоторые из них на пороге семидесятилетия.

Просто я не ожидала, что «мадам» настигнет и меня – во всяком случае, без моего на то согласия. Я никогда не была красавицей, но накануне двадцатилетия обнаружила, что обладаю суперспособностью выглядеть молодо. У меня все еще была полудетская кожа. Посторонние затруднялись сказать, сколько мне лет – шестнадцать или двадцать шесть. Однажды я в одиночестве ждала поезда на платформе метро в Нью-Йорке. Рядом со мной остановился пожилой мужчина. «У вас до сих пор детское личико», – ласково сказал он мне.

Я поняла, что он имеет в виду, и твердо вознамерилась надолго сохранить это маленькое преимущество. До того как многие мои подруги начали беспокоиться из-за морщин, я каждое утро наносила на лицо солнцезащитный крем и крем для век, а вечером втирала в себя еще больше всяких зелий. Я крайне скупно расходовала улыбки, позволяя себе растянуть губы, только если и правда слышала что-то очень смешное.

Мои усилия не пропали даром. После тридцати незнакомые люди все еще принимали меня за студентку, а бармены требовали предъявить удостоверение личности. Мой субъективный возраст, то есть возраст, на который выглядит человек (и к которому обычно надо прибавлять шесть-семь лет), колебался в районе двадцати шести.

Сейчас мне сорок с небольшим, и я рассчитываю взять реванш за счет преимуществ, какими располагает обыкновенная средняя женщина. Я вступаю в такую полосу жизни, когда быть красавицей уже не обязательно; чтобы хорошо выглядеть, достаточно быть ухоженной и не страдать лишним весом.

Какое-то время кажется, что эта стратегия работает. На лицах женщин, которые всегда выглядели значительно лучше меня, появляются мелкие морщины. Перед встречей с приятельницей, с которой мы не виделись несколько лет, я специально настраивалась, чтобы ничем

не выдать, как сильно, на мой взгляд, она изменилась. (Подобное свойство – долго сохранять внешность неизменной, а потом преобразаться в один миг, французы называют *coup de vieux*, в дословном переводе «удар старостью».)

Я с печальным равнодушием смотрела, как у многих моих знакомых в волосах мелькает седина, а лоб собирается морщинами. Я считала себя живым доказательством распространенного мнения о том, что каждый человек заслуживает того лица, которое имеет. Из чего с очевидностью вытекало, что лично я заслуживаю перманентного сияния юности.

Но потом на протяжении всего нескольких месяцев и во мне что-то изменилось.

Новые знакомые больше не восхищались тем, как молодо я выгляжу, и не ахали, узнав, что у меня трое детей. Теперь люди, с которыми я долго не виделась, изучают мое лицо чуть дольше, чем надо. Если я встречалась в кафе с приятелем моложе меня, в первые минуты он смотрел как будто сквозь меня, словно не желал признавать, что сидящая перед ним дама средних лет – это я и есть.

Подобные перемены волнуют не всех моих ровесников, но среди них немало тех, кто искренне страдает от так называемого кризиса среднего возраста. Одна моя подруга говорит, что, когда она приходит на вечеринку, «эффект Золушки» больше не работает: никто не поворачивается в ее сторону. Я, в свою очередь, заметила, что мужчины на улицах Парижа обращают на меня внимание, только если у меня тщательно уложены волосы и нанесен макияж. Но даже в этом случае я считываю в их глазах новый месседж: я бы с ней, пожалуй, переспал, но только если это не потребует от меня никаких усилий.

А вскоре меня как раз и накрыло волной «мадам». «*Bonjour, madame*», когда я захожу в кафе; «*Merci, madame*», когда расплачиваюсь; «*Au revoir, madame*», когда ухожу. Иногда сразу несколько официантов говорят это одновременно.

Самое печальное, что они вовсе не стремятся меня оскорбить. Здесь, во Франции, где я живу больше десяти лет, обращение «мадам» – это обычная форма вежливости. Я сама постоянно называю других женщин «мадам» и учу своих детей, чтобы они так же обращались к нашей пожилой португальской консьержке.

Иначе говоря, я настолько далеко продвинулась вглубь территории «мадам», что люди не считают это обращение способным меня обидеть. Я поняла, что все изменилось, когда проходила мимо женщины, которая сидела на тротуаре неподалеку от моего дома, выпрашивая подаяние.

Она сказала: «*Bonjour, mademoiselle*», – обращаясь к молодой женщине в мини-юбке, шагавшей в нескольких шагах впереди меня.

«*Bonjour, madame*», – сказала она секунду спустя, когда с ней поравнялась я.

Все произошло слишком быстро, чтобы я могла это переварить. Я по-прежнему ношу большинство вещей, в которые одевалась, когда была «мадемуазель». В кухонном шкафу у меня до сих пор стоят банки консервов, купленные в эпоху «мадемуазель». Даже арифметика шутит со мной шутки: как это вышло, что за каких-то два года все вокруг стали на десять лет моложе меня?

Что такое сорок лет? Не в моих привычках оценивать очередное десятилетие своей жизни до тех пор, пока я не промотаю его целиком. Когда мне было 20+, я тратила время на безрезультатные поиски мужа – вместо того чтобы делать карьеру и посещать, пока не появились дети, всякие небезопасные места. В результате, едва мне стукнуло 30, меня уволили из редакции газеты. Я получила достаточно досуга, чтобы ближайшее десятилетие посвятить размышлениям об утраченных возможностях и пережевыванию нанесенных мне обид.

Сейчас – другое дело. Я решительно настроена разобраться с очередным десятилетием, пока я все еще в нем. Несомненно, каждый новый день рождения вызывает легкое головокружение – никто из нас не становится моложе, – но после сорока чувствуешь себя особенно рас-

терянной. Это десятилетие, не имеющее собственного нарратива. Это не просто новая цифра, это какая-то совершенно новая атмосферная зона. Когда я говорю 42-летнему бизнесмену, что занимаюсь изучением сорокалетнего возраста, он смотрит на меня с удивлением. Он добился в жизни успеха и научился четко формулировать свои мысли, но ему нечего сказать о своем возрасте.

– Скажи, пожалуйста, – говорит, – что хоть это такое?

Разумеется, все зависит от конкретного человека: его здоровья, семейного окружения, финансового состояния и страны, в которой он живет. Я нахожусь в положении привилегированной белой американки, а это далеко не самая ущемленная социальная группа. В Руанде к сорокалетней женщине уже обращаются как к «бабушке».

Что касается французов, то они со свойственными им пессимизмом и стремлением к точности разделили кризис среднего возраста на несколько этапов: кризис 40 лет, кризис 50 лет, да еще и ввели понятие «полуденного демона» (это когда мужчина за 50 влюбляется в нянюку своих детей). Тем не менее у них есть и другой, более оптимистичный подход, согласно которому с возрастом человек становится все более свободным. (Не скажу, что французы всегда правы, но я несомненно извлекла для себя большую пользу из их лучших идей.)

Но, где бы вы ни жили, «снизу» 40 выглядят как старость. Мне доводилось слышать от двадцатилетних американцев, что 40 лет – это возраст, в котором приходит осознание того, что уже слишком поздно что-либо менять, и остается лишь сожалеть об упущенных возможностях. Когда я сказала своему сыну, что пишу книгу о сорокалетних, он ответил, что и сам хочет написать книгу – о девятилетних. «Вот что я напишу, – добавил он. – “Мне девять лет. Это здорово. Я такой молодой”».

Вместе с тем многие из моих более «пожилых» знакомых утверждают, что 40 лет – это как раз тот возраст, в который они больше всего хотели бы вернуться. «Как я мог считать себя старым в 40 лет!» – воскликнул Стенли Брэндис, антрополог и автор книги о 40-летних, вышедшей в 1985 году. «Оглядываясь назад, я думаю: “Господи, как же это было классно! Это было начало жизни, а не начало конца!”»

С технической точки зрения, 40 лет – это уже даже не средний возраст. Современный 40-летний человек имеет шанс дожить до 95 лет – так утверждает Эндрю Скотт, экономист и соавтор книги «Столетняя жизнь».

Но число 40 по-прежнему сохраняет свое символическое значение. Иисус постился 40 дней. Мухаммеду было 40, когда к нему явился архангел Гавриил. Библейский потоп длился 40 дней и ночей. Моисею было 40, когда он вывел евреев из Египта, после чего они 40 лет скитались по пустыне. Брэндис пишет, что есть языки, в которых «сорок» означает «много».

И все-таки в сорокалетнем возрасте, несомненно, содержится идея некоего перехода. Только что ты воспринимал себя как патентованного молодого человека, и вот ты должен расстаться с одним периодом своей жизни, но еще не совсем принят в другой. Француз Виктор Гюго якобы называл 40 лет «старостью юности». Посмотрев мне в лицо в хорошо освещенном лифте, моя дочь выразилась проще: «Мам, ты, конечно, не старая, но ты уж точно не молодая».

Я замечаю, что в моем новом статусе «мадам» на меня распространяются совсем другие правила. Отныне моя очаровательная наивность больше никого не очаровывает – скорее озадачивает. Я больше не могу быть «прелесть какой дурочкой». От меня ждут, что я буду сама находить нужную стойку регистрации в аэропорту и вовремя приходить на назначенную встречу.

Честно говоря, я и сама чувствую, что все больше и больше становлюсь «мадам». Имена и факты больше не всплывают в памяти сами собой; теперь мне порой приходится выуживать их из глубин, словно поднимая ведро из колодца. Я больше не способна после семичасового сна протянуть целый день на кофе.

Я слышу сходные жалобы от ровесников. Ужиная с ними, я убеждаюсь, что отныне у каждого из нас появился вид спорта, заниматься которым нам запретил врач. А когда кто-то из нас замечает, что по американским законам мы уже достаточно старые, чтобы негодовать на дискриминацию по возрастному признаку, в ответ раздается нервный смех.

Новые исследования мозга доказывают, что в 40-летнем возрасте проявляются негативные тенденции. В среднем мы легче отвлекаемся, чем молодые. Мы медленнее перевариваем информацию, и нам труднее вспоминать конкретные факты. (Способность с легкостью вспоминать имена достигает пика в 20 лет.)

Вместе с тем наука утверждает, что в 40-летнем возрасте у нас появляется немало преимуществ. Ослабление способности к быстрой обработке данных мы компенсируем зрелостью, интуицией и опытом. Мы лучше молодых схватываем суть происходящего, контролируем свои эмоции, разрешаем конфликты и понимаем других людей. Мы более умело распоряжаемся деньгами и быстрее находим логичное объяснение тем или иным событиям. По сравнению с молодыми мы более внимательно относимся к окружающим. И, что жизненно важно для нашего самоощущения, мы гораздо меньше нервничаем.

Действительно, современная нейрология и психология подтверждают правоту Аристотеля, жившего две тысячи лет назад: описывая человека на пике его возможностей, он отмечал, что у него ни избытка самоуверенности, ведущего к поспешности в принятии решений, ни чрезмерной боязни; и то и другое присутствует у него ровно в тех пропорциях, которые необходимы. Такие люди не склонны доверять всем подряд, но одновременно не страдают тотальной недоверчивостью; они оценивают окружающих адекватно.

Я с этим согласна. В этом возрасте мы многое узнали и в значительной степени выросли над собой. Если до этого мы чувствовали себя маргиналами, то теперь понимаем, что таких, как мы, – большинство. (По моей ненаучной оценке, общего у нас 95 процентов и только 5 процентов – уникального.) Как и мы, большинство людей сосредоточены на себе. К 40 годам мы проделываем путь от убеждения: «Все меня ненавидят» к более здравому: «В общем-то, всем на меня наплевать».

Наверняка еще через 10 лет наши сорокалетние откровения покажутся нам наивными. (Когда я училась в колледже, один приятель уверял меня, что «муравьи способны видеть молекулы».) Но даже сейчас это десятилетие может стать для нас испытанием, требующим совмещать в одной голове множество противоречивых идей: с одной стороны, мы наконец научились разбираться в сложных человеческих взаимоотношениях, а с другой – не можем вспомнить двузначное число. С одной стороны, мы приближаемся (или уже достигли) к пику в зарплате, а с другой – больше не считаем ботокс неразумным транжирством. Мы поднимаемся на вершину карьеры, но уже предвидим, чем она завершится.

Если современный 40-летний человек во многом представляет собой загадку, то еще и потому, что по какой-то непонятной причине в этом возрасте мало опознавательных знаков. Детство и подростковый возраст сплошь «утыканы» вехами: ты становишься выше ростом, переходишь в следующий класс, у тебя начинается менструация, ты получаешь водительские права и аттестат зрелости. В 20–30 лет ты крутишь любовь, находишь работу, учишься самостоятельно обеспечивать себя. Этот период – время повышений по службе, свадеб и рождения младенцев. Всплеск адреналина, сопровождающий все эти события, убеждает тебя, что ты движешься вперед и строишь взрослую жизнь.

В 40 лет ты по-прежнему можешь получать ученые степени, новую работу, менять дома и супругов, но все это вызывает гораздо меньше восторгов. Учителя, родители и вообще «старшие», которые радовались твоим достижениям, теперь больше озабочены собственными проблемами. Если у тебя есть дети, предполагается, что ты будешь радоваться их успехам. Один мой знакомый журналист жаловался, что он больше никогда не будет вундеркиндом. (Он ска-

зал мне об этом в тот день, когда на должность члена Верховного суда США была предложена кандидатура человека, который был моложе нас с ним.)

– Даже пять лет назад я слышал от людей: «Ого, ты уже начальник!» – говорил мне 44-летний глава телевизионной продюсерской компании. – А теперь моя должность уже никого не изумляет. Я слишком стар, чтобы оставаться вундеркиндом.

Тогда для чего мы не слишком стары? Мы все так же способны к действию, к переменам и к марафонским забегам. Но в 40 лет появляется мысль о неизбежности смерти, которой раньше не было. Мы начинаем сознавать ограниченность собственных возможностей. Мы вынуждены делать выбор в пользу чего-то одного за счет чего-то другого. Для нас характерно ощущение «сейчас или никогда». Если раньше мы планировали что-то сделать «когда-нибудь» (сменить работу, прочитать Достоевского, научиться готовить лук-порей), то сейчас самое время всем этим заняться вплотную.

Это новое временное измерение приводит к столкновению между нашими стремлениями и нашей реальной жизнью. Ложь, которой мы годами убаюкивали себя и других, теперь никого не убеждает. Бессмысленно продолжать притворяться и выдавать себя за того, кем ты не являешься. В 40 лет мы больше не готовимся к воображаемой будущей жизни и не копим плюсы в резюме – мы живем здесь и сейчас. Мы достигли того состояния, которое немецкий философ Иммануил Кант называл *Ding an sich* – вещь в себе.

Самое странное в 40-летнем возрасте – это то, что теперь мы пишем книги и ходим на родительские собрания. Наши ровесники занимают должности главных технологов и заведующих редакциями. Это мы готовим индейку на День благодарения. Теперь, когда меня посещает мысль о том, что кто-то должен наконец разобраться с той или иной проблемой, я вдруг понимаю, что этот «кто-то» – я.

Это непростой переход. Меня всегда утешала идея, что в мире есть взрослые, которые лечат рак и выдают повестки в суд. Взрослые пилотируют самолеты, выпускают спреи и каким-то волшебным образом заботятся о том, чтобы телевизионный сигнал проходил без помех. Они знают, стоит ли читать тот или иной роман и какие новости нужно выносить на первую страницу газеты. Я всегда верила, что в «пожарном» случае мне на помощь придут взрослые – загадочные, умелые и мудрые.

Я не верю в теории заговора, но понимаю, почему они привлекают людей. Очень соблазнительно думать, что всем на свете управляют тайно сговорившиеся взрослые. Я также понимаю, в чем состоит притягательность религии: Бог – это супервзрослый.

Меня несколько не радует, что я выгляжу старше. Но больше всего меня беспокоит тот факт, что, став «мадам», я сама стала взрослой. Я чувствую себя так, словно меня назначили на должность, требующую компетенций, которых у меня нет.

Но кто такие взрослые? Существуют ли они на самом деле? И если да, то что конкретно они знают? И что мне нужно сделать, чтобы стать одной из них? Придет ли мой ум в соответствие с моим повзрослевшим лицом?

Вы ступили на порог сорокалетия, если:

- Вам не хочется говорить, сколько вам лет.
- Чтобы найти год своего рождения на каком-нибудь сайте, приходится слишком долго проматывать «окошко».
- Вас удивляет, когда продавщица в косметическом отделе предлагает вам крем от морщин.
- Вы недоумеваете, узнав, что сын вашего ровесника поступил в колледж.
- Окружающие больше не удивляются, узнав, что у вас уже трое детей.

1

Как найти свое призвание

Когда я была маленькой, у нас в семье напрочь игнорировали любые плохие новости. Моя бабушка с материнской стороны на все – от семейных ссор до израильско-палестинского конфликта – реагировала одинаково, жизнерадостно заявляя: «Я уверена, они со всем разберутся».

Расти в атмосфере непоколебимого оптимизма – далеко не самое худшее для ребенка. Нельзя сказать, что мой случай представляет собой нечто уникальное; многие американцы росли в солнечных домах, окруженные людьми, не склонными к лишнему самокопанию. Но я подозреваю, что моя семья отличалась особенно неумным оптимизмом. Чтобы избежать неприятных сюжетов, мы ни во что не углублялись, включая историю нашего рода. Уже почти подростком я узнала, что один мой дед и одна бабка, а также все без исключения прадеды и прабабки эмигрировали в Америку, в основном из России. Поскольку никто никогда не утверждал обратного, я считала, что мы всегда были американцами.

Но сама история этой эмиграции была довольно мутной. По словам бабушки, ее родители приехали из места, называвшегося Минской губернией, но где конкретно находится это место, она не знала. Однажды ей удалось ознакомиться с документами, которые оформляли на острове Эллис, и она не нашла ни одного упоминания о своих родителях. Едва успев перебраться в Южную Каролину, они моментально слились с местным населением. Моя бабушка стала южной красоткой и охотно приняла местные обычаи, один из которых подразумевает: если нечего сказать хорошего, лучше помолчи.

Никто в моей семье даже не заикался о том, что в этой самой Минской губернии у нас остались близкие родственники. Когда позже я пыталась расспрашивать об этом бабушку, она рассказала, что ее мать регулярно отправляла в Россию посылки с сушеными бобами и одеждой для своей родни. Но после Второй мировой войны посылки прекратились.

– Мы потеряли с ними связь, – сказала бабушка.

Именно в таких выражениях у нас в семье описывали судьбу родственников, погибших во время холокоста: «Мы потеряли с ними связь».

Судя по всему, эта склонность к крайнему позитиву передавалась у нас в роду по материнской линии, и каждое предыдущее поколение защищало следующее от плохих новостей. Впервые я обратила на это внимание, когда мне было шесть лет. Мы отмечали день рождения моего отца, которому исполнилось 40 лет. Это было в Майами – моем родном городе. Гости собрались в патио, вокруг бассейна. Я оставалась в доме, когда услышала всплеск воды и заметила какую-то суматоху.

– Что случилось? – спросила я у мамы.

– Да ничего, – ответила она.

Добавлю для ясности, что моя мама была доброй, очень меня любила и действовала из лучших побуждений. Она пыталась защитить меня. Но я подозреваю, что стала бы совсем другим человеком и даже выбрала себе совсем другую профессию, если бы она просто сказала мне: «Ларри Гудман напился и упал в бассейн». Мы пришли бы к выводу, что неприятности иногда случаются, и порой мне приходится быть их очевидцем.

Вместо этого я считала, что плохие вещи если и происходят, то где-то далеко, на том конце патио. И если не присматриваться, то можно уверить себя, что их и не было.

В Майами было легко придерживаться этой точки зрения. Этот город всегда залит солнечным светом. Он почти в буквальном смысле слова возник из воздуха, поскольку его расцвет начался в 1950–1960-х, когда стали доступными кондиционеры. Годы спустя, когда мои

будущие свекор и свекровь побывали в одном из старейших домов Майами, который теперь входит в государственный музейный комплекс, они сказали, что он построен примерно тогда же, когда их лондонский дом.

Люди часто удивляются, когда я говорю, что мое детство прошло в Майами. Они думают, что это город дедушек и бабушек. Но это относится скорее к Майами-Бич – фешенебельному пригороду, расположенному на острове к востоку от самого Майами, жаркого и совсем не гламурного, но в котором проживает большая часть горожан.

Свой первый дом мои родители купили на участке, где раньше росла манговая роща. Там осталось много манговых деревьев, плоды с которых падали на крыши наших машин, обдирая с них краску. Как и остальные дома в округе, наш был построен из бетона, оборудован кондиционером и средствами защиты от саламандр, грабителей и капризов погоды. Иногда к нам, проникая через вентиляцию, заползала точечная ошейниковая змея. Мы почти никогда не ходили на пляж.

Практически все жители Майами приехали сюда откуда-нибудь еще. Наши соседи-кубинцы жили в полной уверенности, что скоро вернуться в Гавану. Большинство друзей моих родителей говорили или с бруклинским, или с похожим на бруклинский акцентом. Мы делали вид, что в Южной Флориде те же времена года, что в Нью-Йорке, хотя на рождественской фотографии я стою рядом с Санта-Клаусом загорелая и в шортах.

Оторванность Майами и его «розовые очки» идеально нам подходили. Когда моя мать была вынуждена сообщать печальную новость – например, у кого-то из наших знакомых диагностировали рак, – она втискивала ее между двумя другими: о том, что сегодня на ужин, и во сколько у меня тренировка в группе чирлидерш. Плохая новость проскакивала так незаметно, что я вообще могла усомниться о том, что ее слышала.

На дворе стояли 1980-е, а это означало начало американского бума разводов. Я часто узнавала, что знакомые мне пары расходятся, но никогда не слышала почему. Мои родители особенно не распространялись о взаимоотношениях между членами нашей семьи, не говоря уже о чужих людях. Однажды я случайно услышала, как они шепотом обсуждают мою тетку-алкоголичку, но стоило мне заинтересоваться подробностями, как они немедленно замолчали. (Годы спустя я узнала, что после первой «Кровавой Мэри» тетушка неизменно заводила анти-семитские речи.)

Считалось, что детям ни к чему слушать о подобном. На самом деле к этой категории относилось практически все. События в мире, новую одежду и летние отпуска мы описывали, используя одни и те же штампы: «Это ужасно», «Смотрится очаровательно», «Мы прекрасно провели время». Люди, достойные нашего одобрения, были «потрясающими» (одна из подруг моей матери имела привычку называть красивых женщин «пальчики оближешь»); те, кто нам не нравился, нас «раздражали». Если кто-нибудь позволял себе слишком долго распространяться на одну и ту же тему, он причислялся к разряду «скучных» или «не умеющих себя вести». (Позже я пойму, что эти «скучные» люди были среди нас почти интеллектуалами.)

Разумеется, мои родители были не единственным для меня источником информации. Я знала о СПИДе, о политзаключенных, о колумбийских наркокартелях, совершавших в Майами убийства. Я читала книги, персонажи которых обладали интересной биографией, противоречивыми чертами характера и напряженной внутренней жизнью. Но как послушный старший ребенок, я верила, что происходящее у нас дома было настоящей жизнью. В нашем доме мы не искали логических связей между фактами, не анализировали собственный опыт и не строили предположений относительно других людей. Мы не обсуждали историю своей семьи, свою этническую принадлежность и свое социальное положение. Привлечь внимание к реальным сложностям жизни означало нарушить наш душевный покой. Это было то же самое, что вслух сказать: «Ларри Гудман упал в бассейн».

С возрастом я стала понимать, что взрослые разговоры о жизни протекали в некоем параллельном пространстве, и поверила, что повседневная болтовня ни о чем служит прелюдией к тому дню, когда мы сядем вместе и все обсудим. Я радовалась, когда мама после похода в супермаркет приносила домой очередной том популярной энциклопедии – наконец-то в доме появились факты. (Иногда приходилось ждать, когда в продаже снова появится какой-нибудь том из тех, что раскупались особенно быстро, например том на букву С.)

Ирония состоит в том, что мое детство было чем-то вроде дымовой завесы, за которой не скрывалось ничего. Я уверена, что Ларри Гудман выбрался из нашего бассейна целым и невредимым. Скорее всего, он даже не был пьяницей. По большей части дымовая завеса приятных слов и хороших новостей не прятала ничего ужасного.

У моих родителей была одна темная тайна: мы не были богатыми. В отличие от многих своих друзей мои мама с папой постоянно беспокоились о деньгах. По любым здравым стандартам, бедными мы тоже не были. Но нам так казалось, поскольку мы цеплялись за днище верхнего сегмента среднего класса.

В Майами деньги играли невероятно важную роль. Независимо от вашего социального поведения, включая криминальное прошлое, богатство придавало вам вес и окружало вас флером загадочности. (Флорида всегда притягивала людей, обладавших, по выражению экономиста Джона Кеннета Гэлбрайта, «неукротимым желанием разбогатеть быстро и приложив минимум физических усилий».)

В 1980-е Майами стремительно становился одним из городов Америки с самым большим имущественным расслоением. Друзья моих родителей продали свои дома по соседству от нас и построили новые, больших размеров, ближе к заливу, с баром и теннисным кортом. Они покупали шикарную одежду для благотворительных мероприятий, водили «мерседесы», а на лето сбегали от жары в Колорадо.

Моя семья так и осталась в бывшей манговой роще, и мы не понимали почему. Откуда у других такие деньжищи? Как кто-то из друзей моих родителей мог стать владельцем банка?

Мой отец был человеком старого мира. Он родился в Бруклине накануне Второй мировой войны. Его родители были эмигрантами пролетарского происхождения и жили по соседству с родственниками, носившими такие имена, как Гасси, Бесси и Йетта. Его собственный отец, Гарри, бросил школу в 12 лет и стал разносчиком газет. Сначала он развозил их на конной повозке, затем – на грузовике, и, как правило, – с сигаретой в зубах. Однажды, когда мой отец был подростком, он после школы пришел помочь своему отцу и нашел его скрюченным над пачкой газет. Причиной смерти был сердечный приступ.

Мой отец пару лет учился в колледже, после чего нашел работу в телевизионной продюсерской компании. Когда они с мамой познакомились в Нью-Йорке на слепом свидании, она увидела красивого мужчину подходящего возраста, который ходил на работу в костюме и, в отличие от ее предыдущих бойфрендов, оказался на самом деле хорошим человеком.

Все это было правдой. Но чего она в своем оптимизме не увидела, так это огромных различий между ними. Мамина родня радостно перескочила из еврейского местечка в солнечный город; ее родители, появившиеся на свет в Америке, были людьми, укорененными на этой земле, деловыми и успешными.

Мой отец был патриотом – верным, склонным к ностальгии и мечтаниям. Несмотря на восхищение, которое в нем вызывало социальное положение маминой семьи, он немного тосковал по местам своего детства.

Моя мать выросла в Майами, и именно там они поселились. Работы на телевидении не было, поэтому отец открыл маленькое рекламное агентство и сотрудничал с местными блошиными рынками и ипподромами.

Под жарким солнцем его «хорошие» качества растаяли, что ввергло его в депрессию. Он был человеком творческим, но в поисках новых заказов ему приходилось торговаться с

потенциальными клиентами. Чтобы преуспеть в этом, необходимо или научиться читать чужие мысли и предугадывать, чего хотят другие люди, или быть настолько обаятельным, чтобы эти другие купили у тебя что угодно.

Ни тем ни другим талантом мой отец не обладал. Ему нравилось рано ложиться спать и повторять одни и те же шутки. (Его излюбленная звучит так: «Даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время».) Родители постоянно ссорились, потому что отец вел машину слишком медленно или снова заснул в гостях. «Я просто на секундочку закрыл глаза», – оправдывался он.

К тому же над ним постоянно висела угроза лишиться последнего – единственного – рекламодателя. В этом он винил себя. Каждый день между нами имел место абсурдный диалог. Я спрашивала, как у него прошел день, а он неизменно отвечал, что «был занят по горло». Уже тогда я понимала, что это неправда; родители ссорились не из-за его медленной езды, а из-за того, что по жизни он ехал не по той полосе.

Мать была полной ему противоположностью: общительная, обаятельная, уверенная в себе и способная продать что угодно кому угодно. Она была своей в любой компании; в старших классах школы ей присудили титул самой стильно одетой девочки. Потом она поступила в университет в Огайо и получила диплом в области торговли. Ее интересовало все новое: самые модные шмотки, самые популярные рестораны. Нашу гостиную она превратила в галерею современного искусства. Вместе со своим партнером она открыла бутик женской одежды, который стал своего рода клубом, куда клиентки приходили не только ради покупок, но и просто пообщаться. Климат Майами известен как «тропический муссон». Но, поскольку в помещениях всегда холодно – спасибо кондиционерам, – ее покупатели охотно разбирали кашемировые свитера. Я выросла в мире моей мамы. Если я не сидела у нее в бутике, то вместе с ней ходила по магазинам конкурентов, посмотреть, что предлагают они. В восемь лет, когда другие дети ломают себе кости на спортивной площадке, я получила шопинговую травму: мы с братом носились по отделу женской спортивной одежды в магазине *Burdine's*, и мне на руку упал кассовый аппарат, оставив трещину на запястье.

Шопинг был единственной темой наших подробных бесед. Он служил даже источником мудрости. «Если это тебе не нравится, не покупай», – говорила моя бабушка. Нашим аналогом буддистского коана была такая загадка: почему, когда ты приносишь новую тряпку домой, она никогда не выглядит так же потрясающе, как только что в магазине?

Когда пришло время выбрать тему вечеринки по поводу моей бат-мицвы, я отмела все стандартные варианты: теннис, космические путешествия, традиционный гавайский праздник луау и выбрала шопинг. Это было единственное, что я хорошо знала. Мы с мамой сделали гостевые карты в виде кредитных карточек и пригласили специального человека, чтобы он изготовил украшения для стола из фирменных пакетов *Bloomingdale's* и *Neiman Marcus*. Он удивился, когда мы сообщили ему тему праздника, но никто из членов семьи не увидел в подобном способе отметить мое вступление во взрослую жизнь ничего странного.

Зато они в один голос заявили, что мы не можем позволить себе устроить такую вечеринку. Это был тот редкий случай, когда маме пришлось озвучить мне плохую новость. Как-то вечером она позвала меня к себе в спальню и сказала, что от вечеринки придется отказаться из-за нехватки средств. (В итоге мы отметили праздник в более дешевом заведении.)

Но и это стало возможным лишь благодаря поддержке маминого отца, который не только оплатил счет, но дал нам денег на новую крышу для дома. Мой дед, как и мой отец, был сыном бедных эмигрантов; он умел ладить с людьми, заключать сделки и делать деньги.

Дед оплатил мою учебу в частной школе, где я сидела за одной партой с детьми супербогатых обитателей Майами. Некоторые из моих одноклассников жили в особняках, стоящих на первой линии у моря в Майами-Бич, которые иногда сдавали в аренду для съемки фильмов и сериалов. На шестнадцатилетие они получали в подарок «порше». Как-то мама приехала

за мной в школу на «тойоте», и один мальчик с презрением спросил у меня: «Это что, тачка вашей служанки?»»

Я никогда не задавалась вопросом, почему это устроено так, а не иначе. Оптимальным вариантом для себя я считала возможность выйти замуж за пластического хирурга. (Еще одно изречение моей бабушки: «В богача влюбиться не труднее, чем в бедняка».)

Хотя в тот момент я не отдавала себе в этом отчета, моя жизнь изменилась, когда я открыла для себя *The Official Preppy Handbook* («Официальное руководство для золотой молодежи») – сатирический путеводитель по привычкам WASPs (белых протестантов англосаксонского происхождения) с Восточного побережья, наследников «старых денег». В нем описывался мир людей, владеющих ирландскими сеттерами, отправляющихся кататься на лыжах в Гштад и носящих ремни с пряжками в виде уток. («Чем меньше общего объект имеет с уточками, тем больше он требует утиных украшений».)

До знакомства с этой книгой я практически не задумывалась над тем, что на свете есть американцы, которые не относятся ни к латино, ни к евреям, ни к черным. Я понятия не имела об эстетике WASP: откуда мне было знать, что подержанная мебель – это круто?

Я понимала, что не отношусь к золотой молодежи. Среди моих друзей не было ни одного человека по прозвищу Скип или Бинк (хотя был друг-кубинец, которого мы звали Хуанки). Я умела немножко управлять парусной лодкой, но в нашем доме не было груды портсигаров, выигранных моим отцом на регатах.

Эта книга подтвердила мои подозрения: в мире есть много вещей, о которых у нас в семье не говорят. Повседневная жизнь – даже моя – поддавалась расшифровке. Как ты одеваешься, какой у тебя ковер, какими словами ты пользуешься, какие предметы хранятся у тебя дома – все это были приметы принадлежности к определенному племени.

Мы никогда не обсуждали этот вопрос. Религия играла в нашей жизни минимальную роль. (Во время моей бат-мицвы на тему шопинга мы подавали креветочный коктейль.) Но когда я заходила с родителями в ресторан, я замечала, каких женщин моя мать могла знать, даже если я никогда раньше с ними не встречалась. Их лица, одежда и прически ничем не отличались от наших. Их родители и бабушки с дедушками в основном прибыли в Америку из примерно той же части Европы, что и наши, и примерно в то же самое время. Как будто целые белорусские деревни переместились в Южную Флориду, и их потомки приходили ужинать в одни и те же итальянские рестораны.

Тогда я этого не знала, но мне был необходим аналог «Руководства для золотой молодежи», адресованный лично мне. Он объяснил бы мне, в чем состоят наши ритуальные обряды и каковы наши ритуальные предметы и костюмы. Я хотела постичь скрытую истину: почему мы носим определенную одежду, почему у всех нас квазинью-йоркский акцент и откуда все мы родом. Но разве я была в состоянии провести антропологическое исследование собственной жизни? Я даже не могла выступить в роли надежного свидетеля происшествия, связанного с падением в бассейн.

С возрастом я стала больше доверять своим суждениям. В аэропорту по дороге домой из школьной поездки, которую оплатил мой дед, в зале отлетов я столкнулась с мужем своей старшей кузины. Только он был не со своей женой и их двумя сыновьями, а с симпатичной блондинкой и таким же светловолосым младенцем. Увидев меня, он явно запаниковал.

– У кузена Нила есть вторая семья, – сказала я матери по возвращении в Майами.

– Быть того не может, – ответила она.

(Вскоре моя двоюродная сестра развелась с мужем – но я была тут ни при чем.)

Впервые распробовав вкус правды, я захотела продолжить в том же духе. Я начала читать мамины шпионские романы из времен холодной войны и мечтала стать такой же умной, как их герои, чтобы взламывать шифры и раскрывать преступления.

Тот факт, что я была не в состоянии следить за сюжетом ни одного шпионского фильма, запомнить хоть один телефонный номер и хранить тайны, не имел никакого значения. В воображении я наделяла себя талантом заметить номера промчавшейся мимо машины и выводила на чистую воду иностранных агентов. Без сомнения, ЦРУ не прошло бы мимо таких выдающихся способностей и взяло бы меня на работу.

Когда пришло время поступать в колледж, для меня естественным было бы выбрать английский язык. (Реальную пользу шпионские романы мне все же принесли – я полюбила читать.) Но литература казалась мне слишком «мягким» предметом. В качестве специализации я выбрала философию, намереваясь отточить свои аналитические навыки. Несмотря на полное отсутствие интереса, я прослушала все полагающиеся курсы и сдала все полагающиеся экзамены. В рекомендации, написанной моим профессором, было написано: «Памела, возможно, добьется успеха в той или иной сфере, но этой сферой будет не философия».

В течение одного семестра я училась в Мексике, и это позволило мне взглянуть на Майами немножко с другой стороны. Меня приняли на программу «*La Realidad*»¹, и я жила в семье из семи человек в шлакоблочном доме, стоящем на обочине грунтовой дороге. Из единственного в доме крана текла только холодная вода, поэтому для мытья я грела себе ведро кипятка. Однажды после ужина на стол поставили блюдо с экзотическим фруктом под названием сапота, и я с удовольствием его слопала. Но, подняв глаза, увидела на лицах моих сотрапезников печальное недоумение: оказывается, этот фрукт был десертом для нас всех.

– Мы не бедные! – с восторгом сказала я своему отцу, вернувшись в Майами.

По мексиканским меркам наша средненькая «тойота» была предметом роскоши. Но отца мое мнение несколько не утешило. Он не хотел оспаривать справедливость игр, в которые в Майами играли все, – он просто хотел перестать вечно в них проигрывать. Как-то раз мы сидели в «тойоте» на подъездной дорожке под манговыми деревьями, и он признался мне:

– Я не умею делать деньги.

Я тоже не умела. После колледжа я недолгое время работала на израильский стартап, который построил свою бизнес-модель на информировании публики о еврейских праздниках. Меня интриговало, почему среди сотрудников большинство – молодые мужчины. Но вот чего я не заметила, так это того, что за соседней дверью, буквально в 20 футах от моего рабочего стола, команда программистов занималась реальным бизнесом – интернет-порнографией. (Бывший коллега рассказал мне об этом годы спустя после того, как мы оба оттуда уволились.)

Во взрослую жизнь я вступила, по-прежнему не обладая лазерной точностью взгляда. Мне хотелось иметь мозг острый как нож, но мой больше походил на ложку. Я могла глубоко погрузиться в ту или иную тему, но это требовало довольно большого времени. Дурой я не была, хитроумной меня тоже никто не назвал бы. Иногда спустя много лет после какого-нибудь события до меня вдруг доходило, в чем там было дело. Когда происходило что-то плохое или даже просто неожиданное, я первым делом старалась не обращать на это внимания.

¹ Реальность (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.